

Анджей Новак

Краткий ответ на ответ

Алексей Миллер придал своей полемике с моей статьей, опубликованной в предыдущем номере «Европы», ярко выраженный личный характер. Поэтому и я начну с такого краткого замечания: учитывая наше многолетнее и, по крайней мере, близкое научное знакомство, я послал профессору Миллеру свой текст «Бедной империи...» до его публикации, рассчитывая на конкретную критику, на которую я мог бы отреагировать и внести в свою статью необходимые исправления. К сожалению, вопреки тому, что в своем полемическом ответе пишет теперь мой оппонент, такой критики не последовало, несмотря на мои неоднократные просьбы указать ошибки и неточности в этом тексте. В последний раз я обратился к нему по электронной почте 20 июня с. г., уже после предложения редакции «Европы» прислать текст и приглашения профессора Миллера принять участие в полемике. Тогда я просил: «Повторяю, если ты укажешь конкретные места, которые, по твоему мнению, нужно изменить, я тут же постараюсь на это ответить». Стоит здесь же подчеркнуть, что мои слова «постараюсь на это ответить» оппонент интерпретирует как мое согласие на изменения, которые он мог бы рекомендовать. Однако проблема в том и состоит, что таких изменений он уже не предлагал. Ибо в тот же день я получил ответный e-mail: «Раз я решил отвечать, то вовсе не хочу, чтобы ты устранял ошибки, мне будет удобнее полемизировать».

Хорошо, это я принимаю, но никак не могу согласиться с присутствующей в первом абзаце полемики жалобой, прямо-таки воспроизводящей, как представляется, стереотип «лицемерного ляха», который втихомолку обещает исправиться — по совету обиженных московских друзей, а потом и так всаживает нож в спину. Этот упрек мне очень не нравится.

На этом я заканчиваю персональные акценты, так как, несмотря на очень уж острый тон полемики Алексея Миллера, вижу в ней шанс поднять несколько важных, как мне кажется, вопросов, которые касаются и прошлого, и настоящего политических отношений в Восточной Европе или скорее взаимной роли, которую играют для этих отношений их прошлое и настоящее. Ибо, хотим мы этого или нет, история и политика всё еще взаимообусловлены. Не только, впрочем, в Восточной Европе — такое ограничение было бы очевидным проявлением практики «ориентализации» нашей части континента, что я и стремлюсь осуждать, подобно тому, как это делает профессор Миллер (в частности, как автор небольшого и точного введения к *Inventing Eastern Europe* Ларри Вульфа — классического труда, описывающего такую практику). Здесь, однако, я ограничусь только Восточной Европой, поскольку занимаюсь ее историческим ареалом и ее касается наш с Алексеем Миллером спор. Именно на связь политических толкований с публикациями, касающимися прошлого — прошлого Российской империи и рождающихся на ее западных *окраинах* современных народов, — я старался обратить внимание в своей статье.

Политическому толкованию подвержены в этой области как тексты — повторю свою, столь критически воспринятую профессором Миллером формулу, — «явно претендующие на научность», так и тексты заведомо публицистические. Пользуясь случаем, позволю себе отметить проблему, которая касается и моих текстов, и текстов Алексея Миллера, и текстов десятков польских и русских исследователей (а также украинских, литовских, **белорусских**, немецких и еврейских), которые, профессионально занимаясь историей Восточной Европы, не пренебрегают возможностью выступить по вопросам современности, используя при этом так или иначе свои знания в области прошлого. Абсолютно ли ясна граница между нашими научными и публицистическими текстами? И на основании каких критериев можно ее точно установить? Не проходит ли она порой на практике где-то внутри наших текстов, а не только между ними? Спрашиваю не для того, чтобы эти границы размыть, релятивизировать, но, наоборот, чтобы серьезно задуматься над их как можно более точным определением. Я уверен, что большинство из нас, историков, добросовестно старается эти разграничения проводить и открыто заявлять, когда они выступают на публичной арене в

форме профессионалов, а когда в роли обыкновенных публицистов. Я ничуть не сомневаюсь, что Алексей Миллер к этому большинству принадлежит. Вот потому я и пытаюсь поддерживать с ним разговор. Уверен, что это делать стоит.

В нашем разговоре я хочу указать на тип чувствительности, обусловленной историческим опытом (а впоследствии отчасти обусловленной политически), а также память о нем, с которой в Польше — но, по-видимому, это касается в некоторой степени, например, Украины или Литвы — сталкиваются тексты русских авторов, по-новому поднимающих сегодня вопрос Империи. Подчеркнем еще раз слово «по-новому». После периода советской системы, когда само понятие империи по отношению к России очень редко употреблялось и анализировалось, возврат к нему сейчас представляется вполне естественным явлением. Нельзя этого не заметить. Равно как нельзя не заметить, что и во многих научных работах, и в публицистике (напоминаю о возникающих порою трудностях их точного разграничения) Российская империя являет собой естественную в какой-то мере модель исторического развития для населяющих ее народов, причем не менее естественную (не менее «хорошую»), чем модель многих (нескольких) национальных государств, которые возникли ныне на ее месте.

В исторической памяти Польши (если уместно еще такое понятие в ситуации стремительно происходящей в этой области переоценки) понятие Империи по-прежнему ассоциируется с тем, как определил это Алексей Миллер в заголовке своей полемической статьи: «жертвы» (поляки, но и все другие, нерусские народы Империи) и «насильники» (Империя и ее русское «ядро»). Данный аспект видения Империи может быть признан (и признается) — на волне новой «империологической» моды — ненаучным или «донаучным». И до некоторой степени с подобным упреком можно даже согласиться. Когда Империя воспринимается лишь как политический, негативный эпитет, трудно вполне понять ее функционирование, структуру, динамику изменений. Новейшие работы — конечно, не только русских, но и американских, английских, немецких, японских и многих других — историков, которые такому упрощенному пониманию воспротивились, обнаружили много интереснейших проблем и новые научные ареалы. Я сам многому из них научился (или по крайней мере мне так кажется), в большой мере благодаря доброжелательному посредничеству профессора Миллера, и не только как автора

его собственных работ, но также как создателя сайта и выдающегося (данное определение в своих текстах я использую без всякой иронии) организатора науки, *spiritus movens* многих научных встреч и международных конференций.

Однако — и вот здесь заявляет о себе эта специфическая историческая чувствительность, которую еще можно встретить среди возникших (возрожденных) на руинах Российской империи народов — можно ли роль Империи как палача, как гонителя свободлюбивых стремлений части тогдашних элит этих народов или же роль/функцию/структуру Империи как преграду на пути развития их культуры, экономики, модернизации общества вытеснить из поля зрения научных интересов? Мне кажется, что для развития самих исторических исследований по истории Восточной Европы на протяжении нескольких последних столетий неплохо было бы поработать в направлении взаимного дополнения «новой» и «старой» (пусть она именуется «польской») школы истории Империи, а не исключения одной из них из науки. Обе имеют свои ограничения, лишиться которых смогут лишь в сравнении друг с другом, а не путем попыток обеспечения собственной монополии. И по этой причине в Польше, где все еще в этом плане доминирует традиционная, порой слишком упрощающая одни проблемы и слепая по отношению к другим «антиимперская» историография, я стараюсь пропагандировать, приближать достижения этой «новой», как российской, так и западной, «империологии». Но по этой же причине я стараюсь показывать некоторые ограничения и политическую аргументацию второй школы.

Конечно, в России много прекрасных историков, которые последовательно изучают разные темные стороны функционирования Российской империи — также в отношении ее нерусских народов. На результаты их научных исследований я неоднократно ссылаюсь также в статье, с которой так остро полемизирует профессор Миллер. Трудно, однако, не заметить, что его научные интересы явно концентрируются на другом: вокруг неосуществленного проекта (возможности) образования в Империи «триединого» народа, состоящего из велико-, мало- и белорусов, а также препятствия, которое в этом деле создавал в XIX в., в частности, «польский вопрос». Профессор поднимает в значительной мере новую, слабо изученную проблематику, но делает это с яркой, не скрываемой полемической интенцией по отношению к более старым

установкам, подчеркивающим в первую очередь гонения царизма против зачатков современного украинского народа. Польский элемент, конечно, не выступает здесь в роли жертвы, а скорее именно в роли преграды ... Свои более публицистические тексты — по крайней мере те, которые мне известны, — автор посвящает чаще всего таким моментам, в которых можно обнаружить проявления антирусской фобии поляков (даже в данной полемической статье он пишет о своей годами пополняемой коллекции проявлений современной польской русофобии), чем таким, в которых можно было бы найти какие-либо причины современных опасений поляков по отношению к российскому неоимпериализму. И, конечно, он волен так поступать. Но столь же правомерно и сопоставление его работ с публикациями других русских авторов, которые так или иначе «оправдывают» Империю.

Это-то автора «В плену истории» явно и раздражает больше всего, и он старается не только отказать другим в возможности (в праве) представлять свои собственные публикации в таком контексте, но и — что важнее — не признавать вообще значение данного контекста в русской современной мысли. Дугин для него — сумасшедший маргинал. Но сопоставимо ли значение этого сумасшедшего и его влияние на современную русскую мысль со значением таких авторов, как хотя бы сам Миллер? В лучших, самых больших московских книжных магазинах уже много лет активно покупаются читателями стоящие на верхних полках, а не стыдливо спрятанные где-нибудь за прилавком многотысячные тиражи новых изданий произведений Дугина и подобных ему «сумасшедших». Тираж книги Алексея Миллера, как и большинства других авторов научных трудов, не превышает тысячи экземпляров. В своей статье я неслучайно оставил книги Дугина в покое. У Миллера с Дугиным нет ничего общего — увы, также тиражей. И по этой же причине — вопреки тому, что внушает он в своей полемике со мной, я сравниваю его не с Дугиным, а с авторами, которые вправе выступать, так же, как и сам Миллер, в роли представителей мира российской науки. И здесь я несомненно обязан «взять под защиту» действительного главного героя моей статьи — Александра Панарина, чьи книги вызывают такое раздражение у моего оппонента. Профессор Миллер отзывается о нем с незаслуженным по многим причинам презрением. В отношении Панарина я употребил определение «выдающийся» без всякой иронии. Точно так же, как, принципиально не

соглашаясь с публицистикой Константина Леонтьева, Николая Данилевского или даже Михаила Каткова, их можно назвать «выдающимися» в плане значения для русской мысли второй половины XIX века. Однако Панарин не какой-нибудь просто публицист, он профессор и заведующий кафедрой философии в наиболее престижном научном учреждении России — Московском университете. Здесь-то и возникает проблема, которая столь сильно раздражает профессора Миллера — в России сотни таких Панариных: быть может не в отношении оригинальности концепции и величины тиражей (Панарин и в этом плане наголову разбивает большинство коллег по науке), но в отношении формальных должностей и научных званий, имея которые, они открыто выступают с апологетикой Империи. Это и делает, как я полагаю, представленную в моей статье проблему реальной проблемой, а не чистой выдумкой уязвленного научной критикой своей мании польского русофоба, на что намекает в заключительной части своей полемической статьи профессор Миллер.

Впрочем, по поводу этой части полемики у меня претензий к ее Автору нет: наоборот, я сожалею, что она так быстро здесь обрывается. Со своей стороны, я старался в «Бедной империи...» обратить внимание некоторых склонных к разговору русских коллег-исследователей на вовлечение их новых толкований значения Империи и, в его рамках, национальной проблематики в интерпретационный контекст, который может оказаться волнующе однозначным для исторической чувствительности, которая в Восточной Европе присуща вряд ли только мне и только полякам.

Я надеялся получить в ответе Алексея Миллера критический анализ слабых пунктов и непоследовательности «антиимперской» позиции, занимаемой именно представителями такой чувствительности, на которую ссылаюсь в заключении своей статьи. Быть может, следует и на историю Речи Посполитой, в том числе посмертную, в XIX веке, или даже вплоть до 1939 года, взглянуть сквозь призму имперской модели, в которой именно Польше будет отведена роль «насильника», а другие окажутся «жертвами»? Об этом можно было бы вести спор и дискуссию сообщая — с коллегами из России, Украины, Литвы, Беларуси. Так же, как есть смысл сообщая вести научный спор об интерпретации истории Российской империи.

Профессор Миллер уже много лет инициирует и организует именно такие споры. Жаль только, что в данном случае он

увидел повод не к дискуссии вокруг более широкой проблематики, но почти исключительно к личным обвинениям в нечестности и манипуляциях в оценке своих работ — обвинений в адрес автора этих строк. Ну что ж, видимо, старое римское правило — *nemo iudex in causa sua* — находит здесь себе подтверждение. Напоминая о нем, я не собираюсь парировать предъявленные Алексеем Миллером упреки. Я не буду цитировать фрагменты его текстов, поскольку, как всем нам хорошо известно, вырванные из контекста цитаты и являются прекрасным способом манипуляции. Читатели, желающие дать справедливую оценку нашему спору, вполне могут воспользоваться возможностью, которую им предоставляет упомянутый выше организационный талант моего оппонента: все его тексты, к которым я обращаюсь, можно прочитать на редактируемом профессором Миллером сайте. А можно также еще раз — после чтения — вернуться к двум моим текстам: первому, опубликованному в предыдущем номере «Европы», и второму, сейчас предлагаемому читателям. И после такого прочтения я могу повторить — не как беспристрастный судья, а как участвующая в споре сторона, — что не отказываюсь ни от одного написанного в них предложения.

Кроме своей позиции, Алексей Миллер защищает еще одного автора — Екатерину Деготь. Ее текст, к сожалению, не доступен на Интернет-сайте, его можно прочитать лишь в оригинальной публикации — в ежеквартальнике «Ab Imperio». Поэтому здесь я скажу только, что защита со стороны профессора Миллера небольшой статейки Деготь просто меня изумляет. Текст Деготь до того наполнен крайне выраженным комплексом России как жертвы — прежде всего жертвы Запада, что если бы слово «Россия» заменить в нем словом «Польша», то в нашей стране подавляющее большинство СМИ сочли бы его голосом из безнадежно отсталого, «типично польского» темного захолустья... Вспоминаю об этом в заключение не потому, что придаю именно этой статье и ее интерпретации какое-то особо важное значение. Я хочу скорее указать на еще один контекст, в который можно бы вписать серьезную дискуссию между польскими и русскими историками, посвященную наследию общего прошлого, т. е. проблеме Империи как одного из первых пунктов повестки дня. Этот контекст порождает уже ведущийся в Польше спор — особенно нарастающий в последние время — о национальной исторической памяти. Спор, в котором все

сильнее ставится под сомнение память Польши-жертвы и все отчетливее акцентируются элементы польской «исторической вины». К этому также обращается в конце своей статьи Алексей Миллер. Он удивляется, что я указываю на польскую память о разделах и роли России, которую она в них сыграла, обходя кошмары XX века, горечь воспоминаний о которых мы уже умеем в себе преодолевать в отношениях с другими соседями: с Украиной или Германией. Но не с Россией, — подчеркивает автор. Профессор Миллер здесь попадает в самую суть. В отношениях Польши с Украиной и Германией опыт прошлого имеет свое место. Однако это отнюдь не новое, как, по всей вероятности, предполагается в его тексте, стабильное уже место — «после перелома». По сути дела спор об исторических оценках, о ролях «жертвы» и «насильника», о памяти с Украиной и Германией только по-новому начинается. Трудно сомневаться в его огромном политическом значении. Историкам, которых то и дело в этой связи дергают за рукав СМИ, нелегко сохранить четкую границу между наукой и публицистическим использованием ее результатов (злоупотреблением ими). Но в этом споре зреют также серьезные научные труды, уточняются аргументы, открываются горизонты общей, объективной правды. Подобного спора с Россией мы, однако, не ведем. Почему? Мне не кажется очевидным, что виной этому только «неизлечимая польская русофобия». Сколь долго серьезный русский историк при упоминании проблемы разделов в наших взаимоотношениях в ответ будет указывать пальцем на отношения Польши с другими ее соседями, столь долго я имею право считать, что и российская сторона не готова к добросовестному *Historikerstreit* с поляками.

Такой спор — источник большого риска и, наверное, мало-приятное занятие для историка. Но я ожидаю его, надеясь, что он состоится при весомом участии Алексея Миллера.